

Четверть века после Чернобыля: опыт социологического наблюдения¹

Аннотация

В статье рассматриваются основные результаты социологических исследований социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы, проведенных при участии украинских исследователей последней четверти века. Ретроспективно анализируются такие аспекты этой катастрофы, как особенности влияния коммуникационной системы на социально-психологическое состояние пострадавших; мотивация ликвидаторов-добровольцев в выполнении опаснейших заданий; адаптационные процессы в жизнедеятельности пострадавшего населения; оценка управленческих решений и социальная политика в отношении пострадавшего населения, а также транснациональные последствия Чернобыля в контексте международной гуманитарной помощи. Подчеркивается практическая важность социологического изучения этой катастрофы для реализации взвешенной государственной политики в плане отечественной атомной энергетики, которая обязательно должна учитывать общественное мнение.

Ключевые слова: Чернобыльская катастрофа, экстремальные условия техногенной аварии, ликвидаторы, социально-психологическое состояние пострадавших, международная гуманитарная помощь, экологическая безопасность, атомная энергетика

Чернобыльская тематика, несмотря на всю ее трагичность, является благодатной почвой для социологических исследований, поскольку входит в предметное поле ряда отраслевых социологий современности (от социоло-

¹ Статья подготовлена на основе доклада автора на тематическом семинаре “Чернобыль сегодня” в университете города Регенсбург (Бавария, Германия) 6 мая 2011 года.

логии катастроф до социологии международных отношений), полностью вписывается в мейнстрим современного социологического теоретизирования по поводу глобализации экологических проблем, включая ядерную опасность, а также имеет четко выраженное практическое значение для перспектив общественной поддержки или, наоборот, противодействия развитию атомной энергетики. После усиленного внимания ученых разных отраслей к Чернобылю в первые полтора десятилетия после катастрофы, подогретого достаточно мощным финансированием со стороны западных фондов и научным зарубежным туризмом, в который ангажировались, преимущественно на второстепенные роли, отечественные ученые, а также после вывода из эксплуатации реактора ЧАЭС эта проблематика постепенно отошла на периферию исследовательского поля украинских социологов.

Однако проблема безопасной эксплуатации ядерных блоков отечественных АЭС в сверхпроектный срок по-новому актуализирует внимание отечественной социологии к социальным проблемам экологической безопасности на особо опасных технологических объектах. Дополнительным толчком к активизации социологического изучения социальных аспектов функционирования атомной энергетики в новейшее время послужила авария на японской АЭС “Фукусима-1” в марте 2011 года с ее очевидной рукотворностью, с наложением одних человеческих ошибок на другие в ходе ликвидации разрушительных последствий цунами и т.п.

При этом Чернобыльскую катастрофу правомерно рассматривать как катастрофу, порожденную идеологией и политикой социалистической модернизации, ее сугубо технократической моделью. Поэтому глубокий социологический анализ краха этой модели модернизации позволяет определить направленность иной модернизации — экологически ориентированной, с учетом интересов как человека, так и природной окружающей среды. В данной статье социологическое наблюдение я буду понимать в широком значении — как всестороннее социологическое исследование, а не только как один из качественных методов эмпирической социологии.

Коммуникационная система и социально-психологические последствия катастрофы

Взаимодействие населения, пострадавшего от техногенной катастрофы, с каналами масс-медиа в экстремальных условиях, как показал опыт Чернобыля, подверглось “эффекту бумеранга”, когда полученные конечные результаты оказались противоположными ожидаемым. Практические последствия конкретного информационного сообщения не только значительно уменьшили доверие, но и породили дальнейшее предубеждение в отношении источников информации. Анализ освещения чернобыльской тематики коммуникационной системой позволил выделить факторы, которые способствовали возникновению “эффекта бумеранга” [Стегний, 1993; 1995а; Стегний, 1995в].

При разработке информационной политики в экстремальных условиях особое значение имеет социально-психологический фактор, связанный с аномальным состоянием массового сознания людей, находящихся в экстремальных для них условиях. Как следствие возникают негативные установки в отношении предлагаемого содержания сообщения и его источника. Техно-

генные катастрофы на объектах атомной энергетики имеют особые психологические последствия, поскольку речь идет не только о возможной высокой коллективной дозе ионизирующих излучений, но и о негативном воздействии постоянного радиофобного стресса. В случае Чернобыля официальная медицина, имея своей целью преуменьшение вреда, причиненного генофонду и здоровью облученного населения, объясняла симптомы чернобыльского синдрома не действием радиации, а скорее радиофобией, которую рассматривали как безвредный для здоровья фактор. Однако проведенные исследования показали, что любой стресс, включая радиофобию, является сильным мутагенным фактором и сам по себе способен причинять существенный вред и генофонду, и здоровью людей [Панина, 1989].

К наиболее сложным аспектам проблемы социально-психологических последствий аварий на атомных электростанциях принадлежит отношение населения к радиационному риску. Субъективное восприятие радиационной ситуации зависит от уровня информированности населения и его радиационно-гигиенических знаний. Как показали исследования Института социологии НАНУ, до аварии на Чернобыльской АЭС у подавляющего большинства респондентов отсутствовали объективные представления (знания) о реальной опасности радиации для здоровья. В сложившихся после аварии условиях СМИ были важным источником таких знаний, представлений, взглядов и эмоциональных реакций и инициировали формирование индивидуальных и коллективных мнений [Костенко, 1997].

Логика формирования чернобыльского сознания связана с целым спектром негативных тенденций в деятельности СМИ, под влиянием которых сформировался весьма устойчивый психологический стереотип непреодолимости последствий катастрофы. Коммуникационная система создала ирреальный образ Чернобыля, надолго затормозив спасательные мероприятия. Оценка официальной информации населением зафиксировала кризис доверия к этим сведениям.

Неэффективность официальных источников информирования (несвоевременность информации, ее неполнота, уклончивый характер толкования) в период техногенной катастрофы и особенно в послеаварийный период стала одним из факторов усиления недоверия пострадавшего населения к отечественным специалистам (радиологам, медикам) и предпочтительного отношения к зарубежным. В действительности же "свои" специалисты по уровню профессиональной подготовки в основном не уступали зарубежным, однако этот принципиальный момент в тех обстоятельствах оказался второстепенным [Churilov, Golovacha, Panina, Meier-Dallach, 1994].

Недостаточная осведомленность о реальной радиационной обстановке наряду с высоким уровнем восприятия радиационного риска и низким уровнем радиационно-гигиенических требований сделали неизбежным распространение состояния сильного и длительного стресса, что привело к многочисленным негативным последствиям для здоровья населения, снизив эффективность всего комплекса организационных, радиационно-гигиенических медицинских мер, предпринимавшихся на этих территориях, а со временем повлияло и на реализацию принятых социальных программ.

Промедление с внедрением эффективной государственной политики по ликвидации последствий техногенной аварии и недоверие массовой аудитории к коммуникационной системе стали наиболее негативными социаль-

ными последствиями пугающего образа непреодолимости Чернобыльской катастрофы.

Масштабная авария на японской АЭС “Фукусима-1” вновь, через четверть века после Чернобыльской катастрофы фактически продемонстрировала кризис ядерной безопасности. Существующая система безопасности продолжает опираться на принцип “полудобровольного” информирования, чем и воспользовался в свое время оператор этой станции “Токио Электрик Компани” (который, кстати, оказался также одним из крупнейших владельцев национальных телевизионных каналов)¹.

Ликвидаторы и пострадавшее население

Социологическое исследование в зоне ликвидации последствий аварии на Чернобыльской станции началось в октябре 1986 года, когда киевские социологи А.Вишняк, Е.Головаха и Н.Чурилов в ходе предварительных бесед определили круг актуальных социальных проблем, связанных с регуляцией и оптимизацией деятельности ликвидаторов, выдвинули гипотезы и подготовили инструментарий для дальнейших структурированных интервью. А уже в декабре того года были проведены первые интервью с ликвидаторами. Специфика работ по дезактивации диктовала необходимость достаточно регулярной смены личного состава. Поэтому, учитывая высокую мобильность контингента работников зоны, социологи осуществили в течение декабря 1986 — июня 1987 годов сравнительное исследование трех разных массивов опрошенных по единой методике [Человек, 1990].

Результаты этого исследования показали, что преодолению страха перед радиационной опасностью прежде всего способствовало ощущение личной ответственности людей, большинство из которых в полной мере осознавали чрезвычайную значимость своего дела. Парадоксально, но по мере улучшения радиационной ситуации в зоне аварии психологическое состояние людей ухудшалось. Социологи установили причину, заключающуюся в резком сокращении общественного интереса к работе ликвидаторов после устранения непосредственной опасности, хотя в первое время их работа имела огромное общечеловеческое значение. Первое исследование ликвидаторов дало возможность разработать методику изучения общественного мнения людей, работающих в экстремальных условиях; эту методику можно использовать в похожих условиях масштабной техногенной аварии.

¹ Житель Токио профессор Р.Терада в своем дневнике, который он переслал членам Исследовательского комитета 24 Международной социологической ассоциации 23 марта 2011 года, так описал впечатления первой недели после пожара на атомной станции “Фукусима-1”: *“Типичная риторика [оператора станции] ради соблюдения спокойствия среди населения, ближе всего проживавшего от места аварии, игнорировала различия между радиоактивными субстанциями и радиоактивным облучением. Они говорили только о существующем фоне радиоактивного излучения, но редко упоминали синтетически образованные радиоактивные субстанции, такие как радиоактивный йод-131, цезий-137 и стронций-90, которые усваиваются организмом человека и являются канцерогенными. Один из уроков Чернобыльской катастрофы заключался в том, что синтетический радиоактивный йод накапливается в щитовидной железе и имеет очень короткий период полураспада. Младенцы и маленькие дети наиболее уязвимы к его воздействию, что и приводило к их смерти от рака щитовидной железы в Украине”* (Ryoichi Terada. A Week after the disaster).

В зоне рекультивационных работ ликвидаторы находились под влиянием ряда стресс-факторов, ставших объектом пристального внимания социологов. В ходе опросов были выяснены наиболее существенные факторы, определявшие эту ситуацию как экстремальную, а именно: ситуация угрозы; специфичность выполняемой работы; дефицит времени; относительная изолированность; повышенная личная ответственность за последствия и качество выполненной ликвидаторами работы [Макеев, 1996].

Показатели психологического состояния ликвидаторов были связаны с мотивационными аспектами, что дало исследователям основания для условного разделения ликвидаторов-волонтеров, выполнявших самые опасные задания, на два типа. Первый составляли те, у кого все показатели (жизненная удовлетворенность, тревожность, самочувствие, активность и настроение) были достаточно стабильными и высокими. Главными мотивами их добровольного участия стали высокое чувство долга, ответственность и осознание общественной важности работы. Второй тип, напротив, составляли носители неблагоприятных психологических показателей, люди, так или иначе ориентированные на самоутверждение. В основе их добровольного участия лежало стремление доказать (себе или другим) способность на героической поступок и, тем самым, повысить уровень самоуважения. Их характеризовал высокий уровень тревожности в сочетании с низкой активностью [Паніна, 1996].

В социологическом исследовании пострадавшего от аварии населения можно выделить изучение адаптационных процессов в жизнедеятельности потерпевших, анализ репродуктивного поведения населения радиоактивно загрязненных территорий, определение особенностей функционирования и развития социального партнерства в пределах территориальных общин в условиях радиоактивного загрязнения территорий, оценку взаимоотношений граждан и властных структур на этих территориях, а также методические основания исследования жизнедеятельности поселенческих сообществ, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Психологическое состояние нашего пострадавшего населения нередко сравнивают с состоянием японских хибакуси¹, которые в первое время после бомбардировки во многом могли надеяться только на себя.

Сравнительный анализ жизненных планов людей, опрошенных в 1994 и 1996 годах, зафиксировал отсутствие важных позитивных изменений, в их позициях отсутствовала готовность к определенному поведению в ближайшей перспективе [Соболева, Тихонович, Злобіна, Мартинюк, 1997]. Социологи установили, что фактор влияния последствий катастрофы на образ жизни имел самостоятельное оценочно-образующее значение и в значительной мере определял доминировавшие среди людей переживания, придавая им общий негативный оттенок. Было зафиксировано наличие значительных различий в психологическом состоянии жителей загрязненных территорий по сравнению с жителями чистых зон, в частности пятая часть пострадавшего от аварии населения имела развитый синдром “жертв аварии”.

¹ Так называли в Японии людей, выживших после атомных бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки в 1945 году. Замечу, что максимально приближенный к русскому перевод этого слова означает “никому не нужные люди”.

Мониторинговые исследования социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы, проведенные Центром социальных экспертиз совместно с Институтом социологии НАНУ в 1994–1999 годах, выявили парадоксы социально-психологического состояния пострадавших: неудовлетворенность властью и полная личная пассивность, ориентация на пожизненную государственную ренту (помощь) для себя и своих детей. Почти все потерпевшие констатировали губительное влияние Чернобыля на состояние здоровья, однако не придерживались санитарно-гигиенических норм и правил поведения в загрязненных районах. Пострадавшие проявляли склонность к гиперболизации своего положения, во всем искали губительность “чернобыльского фактора”. Переселенцы находились под влиянием непродуманной акции выселения, которая, на их взгляд, больше напоминала депортацию среди них, наблюдались сложные проблемы адаптации к новым условиям, а половина из них хотели вернуться назад. Наконец, потерпевшие нуждались в специальной системе информирования о модели поведения и жизнедеятельности на загрязненных территориях [Саенко, 2006].

Учитывая значительный интерес исследователей к медико-психологическим последствиям Чернобыльской катастрофы, следует отдельно упомянуть широкомасштабный и комплексный проект по изучению психического здоровья детей и их матерей, эвакуированных из 30-километровой зоны (исследование проведено совместно украинскими психологами, социологами и их американскими коллегами из государственного университета штата Нью-Йорк в Стоун Брук) [Litcher, Bromet, Carlson, Squires, Goldgaber, Panina, Golovakha, Gluzman, 2000; Bromet, Goldgaber, Carlson, Panina, Golovakha, Gluzman, Gilbert, Gluzman, Lyubsky, Schwartz, 2000]. В ходе исследования сравнивались дети в возрасте 10–12 лет из эвакуированных семей и из тех, которые не подвергались эвакуации. У детей из эвакуированных семей в большей степени наблюдался дисбаланс эмоциональных и рациональных составляющих психического состояния, а вторичный посттравматический стресс у них можно было снять рациональной информацией, полученной в школе. Эвакуированные дети демонстрировали заниженную самооценку своих способностей в учебе, которая со временем может перерасти в представления о меньшей социальной компетентности. Поэтому основной задачей работы с ними в школе должно было стать формирование более адекватного представления о себе, поскольку по объективным оценкам успеваемости у них не было обнаружено отличий от остальных учащихся.

В поле зрения социологов попали также жизнь и работа людей в зараженных зонах, стратегия хозяйственного поведения жителей чистой и зараженной зон, социальные проблемы сельскохозяйственного производства на загрязненных территориях, рынок труда и особенности занятости в зонах радиоактивного загрязнения, роль местных общин в развитии производственных и организационных сфер зараженных территорий.

Отдельным социальным сообществом среди пострадавшего населения оказались так называемые самоселы. Феномен создания центров самоселов стал ярким проявлением социосамоорганизационных процессов в ситуации общественного кризиса, когда наблюдается значительное ослабление организационной составляющей. Именно возникновение и устойчивость подобных центров — убедительная демонстрация силы социальной самоорганизации и социальной атрактивности как таковой. Атрактивная структу-

ра становится именно структурой, а не агрегативным образованием элементов, за счет высокого уровня спонтанной кооперации, возникающей вследствие частичного отказа от собственной свободы. Именно это дает эффект структурированности, коллективности. На примере самоселов это наблюдается весьма явно [Бевзенко, 2000].

Одним из важных направлений социологического исследования последствий Чернобыльской катастрофы, имеющим чрезвычайно важное практическое значение, является социальная политика в отношении пострадавшего населения. В ходе многочисленных социологических исследований была осуществлена оценка управленческих решений по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, эффективности социальной защиты пострадавшего населения, и обнаружилось определенные социальные приоритеты национальной политики в плане преодоления последствий Чернобыльской катастрофы.

Международный социологический проект “Чернобыльские поколения после 20 лет: сравнительное исследование в Беларуси, Украине, России”¹ продемонстрировал, какое значение техногенная катастрофа имеет для пострадавших людей, находящихся в региональных сообществах разных стран. Исследователи пришли к выводу, что недостаточно предлагать индивидуальную помощь, необходимы региональные стратегии предоставления помощи для всех потерпевших с учетом их жизненных перспектив. Один из выводов проекта, содержащий важный урок для международного сообщества, заключается в том, что эффективную помощь в случае катастрофы чернобыльского типа нужно оказывать в сочетании с долгосрочными мерами, которые бы охватывали разные поколения и их жизненные циклы.

Социологические исследования выявили, что в условиях экономического кризиса, имевшего место в Украине весьма длительное время и сочетавшегося с сокращением производства, значительным дефицитом государственного и местного бюджетов, необходимо было оставлять только те виды социальной помощи, которые были непосредственно связаны с сохранением здоровья пострадавшего населения [Чепурко, 2007].

Результаты социологического мониторинга социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы продемонстрировали настоятельную необходимость изменения направления социальной политики в отношении природных и техногенных опасных ситуаций в сторону минимизации социальных рисков, а в отдаленные периоды после катастроф — переориентации политики на максимизацию жизненных шансов для потерпевших. Речь идет не только о доработке и применении на практике существующих способов снижения радиологического риска, но и о поиске и распространении определенных средств социальной, а не денежной компенсации радиологического риска. В проведенных исследованиях обоснована целесообразность реформирования распространенной практики “денежных компенсаций ущерба” в “стратегию увеличения шансов на развитие” [Хо-

¹ В 2005 году было опрошено 1620 респондентов в возрасте 35–37 лет, проживавших на загрязненных территориях Брянской, Черниговской и Гомельской областей, и дополнительно 600 подростков. Группу исследователей возглавил швейцарский социолог Х.П.Майер-Далах. Ознакомление с результатами Проекта на сайте Cultur Prospective Institut, Цюрих. Режим доступа: <http://www.culturprospectiv.ch/_media/documents:chernkurz.pdf>. Дата доступа: 26.02.2011>.

дорівська, 2004]. Мониторинговые исследования, проведенные в 1997–2007 годах Центром социальных экспертиз Института социологии НАНУ, могут служить эмпирической базой для обоснования новой концепции социальной защиты потерпевших.

Транснациональные последствия Чернобыльской катастрофы

Международная гуманитарная помощь — это своеобразное вмешательство в сферу первоочередных потребностей, жизненных интересов, в значительной мере деформированных экстремальными условиями, низким уровнем жизни в определенных зонах или у определенных социальных групп.

С внешней помощью связана важная зависимость: чем больше различие между страной-донором и потерпевшей страной (реципиентом) в отношении социальной организации, культуры, уровня технологического развития, тем выше вероятность социальных изменений в стране-реципиенте, обусловленных структурной диспропорцией. К тому же здесь много значит то, как соотносятся принципы распределения гуманитарной помощи и в целом общепринятые в этой стране принципы перераспределения ограниченных ресурсов.

Чернобыльская катастрофа продемонстрировала наличие двух разных взглядов на международную гуманитарную помощь. Один — со стороны страны-донора, другой — со стороны страны-реципиента. Эти две модели отношения в нашем случае выглядели так. Первая модель: “гуманитарная помощь — привилегированная позиция донора — узаконивание привилегий”. То есть помощь служит укреплению статуса страны, которая ее предоставляет. Объем помощи такая страна регламентирует согласно своим интересам, потребностям и намерениям, к которым не принадлежит исправление структурной диспропорции. Привилегия в этом случае прежде всего означает открытие рынков сбыта. Проникновение восточных стран на западный рынок как раз и блокировалось предоставлением им гуманитарной помощи. Вторая модель: “структурное отставание реципиента — привилегированность донора — неполноценность реципиента — гуманитарная помощь”. Это означает, что в интересах стран-реципиентов доминирует структурное уравнивание с развитыми странами. Из общего объема помощи вычитается гуманитарная помощь, остальное идет на структурное сбалансирование, имеющее решающее значение для всей страны.

Привилегированность или неполноценность проявляются непосредственно в разных формах международного обмена, отношений между странами. Привилегированная или же неполноценная позиция отдельной страны не является чем-то абстрактным, она находит вполне конкретное проявление в ее международных контактах. Гуманитарную помощь программируют в контексте других международных отношений, что имеет особое значение для объекта этой помощи.

В случае с Чернобыльской катастрофой проявились все упомянутые обусловленности. Их взаимодействие закономерно привело к существенным изменениям международных отношений в контексте гуманитарной помощи после техногенной катастрофы.

Международная помощь Беларуси, Украине и России на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС реализовалась в определенной мере по упо-

мянутым выше схемам сотрудничества. Участие Запада здесь было продиктовано, в частности, прагматическими мотивами. Среди них: желания получить эмпирический материал и на основании его изучения повысить радиационную безопасность своих АЭС, разработать эффективную социальную политику на случай подобных аварий¹. Отдельным западным специалистам Чернобыль позволил удовлетворить свои сугубо профессиональные интересы (в частности ученым — в форме так называемого научного туризма). Для пострадавших от аварии стран интерес к этой помощи был связан прежде всего с возможностью налаживания инфраструктуры социальной защиты граждан, пострадавших от аварии.

Постоянное возрастание потока международной гуманитарной помощи в первые годы после аварии, с одной стороны, и потребность Украины в помощи надлежащего качества — с другой, обусловили интерес к изучению общественного мнения по этому вопросу. В течение 1992 года было проведено несколько опросов, наиболее масштабный — весной, организованный Институтом социологии НАНУ совместно с Фондом “Общественное мнение” (Москва) в Украине и России.

Полученные данные зафиксировали недоверие населения к тому, что эта помощь может улучшить их жизнь. Это была реакция на несоответствие между реальным фактом помощи и пропагандистской кампанией, которая выставляла ее не в должном свете. Среди респондентов наблюдались также опасения, что помощь поступает не к тем, кому предназначена [Стегний, 1996а].

Результаты социологического исследования (опрошено 729 человек из числа взрослого населения Полесского района) в рамках проекта “Дозиметр” (акция Швейцарского корпуса помощи при катастрофах) обнаружили позитивное отношение подавляющего большинства респондентов к международной медпомощи [Meier-Dallach, Golovacha, Panina, Churilov, Stegnij, 1994]. Опрос показал положительное влияние частоты личных контактов со швейцарскими медиками на отношение к международной гуманитарной помощи. Ответы респондентов дали возможность скорректировать приоритеты медпомощи со стороны Швейцарии, а именно: определение уровня радиационного облучения, диагностика заболеваний, предоставление квалифицированных консультаций и обеспечение импортными медикаментами. Критические замечания в основном касались недостаточного информирования населения о результатах медицинского обследования.

Опрос наиболее компетентных в Украине экспертов по чернобыльской проблематике, имевших значительный опыт исследовательской и организационной работы и международных контактов², зафиксировал их единодушное мнение по поводу влияния Чернобыльской аварии на международное сообщество в нескольких направлениях. Эксперты отметили сдвиги от изначально популистского интереса к данной проблеме в сторону серьезно-

¹ Ярким примером является брошюра: *Meier-Dallach H. P., Nef R. Grosskatastrophe im Kleinstaat. Zur Frühererkennung sozialer, politischer und kultureller Auswirkungen eines AKW-Unfalls in der Schweiz.* — Zürich: Cultur Prospectiv Institut, 1990.

² Было проведено углубленное интервью 20 экспертов (7 руководителей государственных структур, имевших дело с проблемами Чернобыля, 7 руководителей и ведущих активистов соответствующих общественных организаций, 6 ведущих ученых и медиков, работавших в этой сфере). Опрос экспертов проводился с июня по ноябрь 1993 года.

го научного и государственного интереса. Такое изменение объяснялось не столько сугубо гуманитарным аспектом деятельности мирового сообщества, сколько опасениями развитых стран Запада стать объектом новой аварии на АЭС, расположенных на территории бывших социалистических стран Европы. Позитивно оценивая международную гуманитарную помощь в плане моральной поддержки пострадавшего населения, многие эксперты усмотрели “побочный эффект” этой помощи в формировании комплекса государственной неполноценности. Этот комплекс сказался в феномене “приобретенной социальной беспомощности”, присущем посткоммунистическим обществам [Головаха, 1996; Golovakha, 2000].

Чернобыль стал экологической катастрофой международного масштаба, поэтому и комплекс обусловленных ею экологических, политических и идеологических последствий приобретает такой масштаб. Главным социально-психологическим последствием Чернобыля для мирового сообщества стало формирование новой разновидности экологического мышления, базирующегося на понимании проблем, порожденных технократическим подходом к индустриальному развитию. Возникли две своеобразные психологические зоны (по характеру реакции населения зарубежных стран на Чернобыль): зона опасений, куда вошли те западноевропейские государства, где было зарегистрировано значительное повышение радиации после взрыва на ЧАЭС, и зона эпизодической обеспокоенности, к которой принадлежали остальные зарубежные страны [The Catastrophe, 1996].

Транснациональные последствия Чернобыля подняли глобальную проблему взаимодействия человечества и природы, суть которой выражает формула: “потребности индустрии — экологическая угроза — социальная напряженность в обществе”. Разнообразие и масштабность названных последствий, их мощный международный резонанс в итоге обусловили становление качественно нового подхода к международной гуманитарной помощи [Стегний, 1995б].

На формирование нового типа международной помощи указала концепция Совместного плана действий, разработанная Координатором ООН и правительственными структурами пострадавших республик (июль 1991 года). Совместный план содержал предложения к 131 проекту, которыми предусматривалось финансирование в размере 646,48 млн долл. США. План предполагал значительные встречные взносы и капиталовложения со стороны определенных правительств для каждого проекта. Помощь по линии ООН включала четыре вида: передачу специальных знаний со стороны представителей межправительственных органов, консультантов, в частности опыт и механизмы реализации деятельности на международном уровне; материальную помощь в форме предоставления оборудования и предметов снабжения; подготовку кадров, национальных инструкторов; информационную деятельность, содействие развитию понимания сути радиации и повышению доверия общественности к мерам защиты.

Как показал дальнейший ход событий, развитые страны Запада фактически перестали поддерживать Совместный план действий, когда их интересы в реализации проектов были исчерпаны, особенно после окончательного закрытия ЧАЭС.

Авария на японской АЭС “Фукусима-1” заставила международных доноров вернуться к проблеме сбора средств для возведения “Укрытия-2”. 18

апреля 2011 года Украина и Европейский Союз подписали соглашение о финансировании Ежегодной программы действий по ядерной безопасности–2010 (часть II), а на следующий день в Киеве состоялась Конференция по сбору средств на Чернобыльские проекты, так называемая “конференция доноров”. Средства доноров аккумулируются на счете Чернобыльского фонда “Укрытие” Европейского банка реконструкции и развития, выполняющего функцию распорядителя Фонда.

Катастрофические последствия аварии на “Фукусима-1” привели к новому международному резонансу вокруг безопасности атомной энергетики. Так, ООН заговорила о новых стандартах как строительства подобных объектов, так и прозрачности их функционирования; Франция предложила создание корпуса международных сил быстрого реагирования на аварии в ядерной энергетике; Россия призвала расширить полномочия МАГАТЭ, а в странах ЕС и СНГ, включая Украину, стали срочно проводить стресс-тесты для проверки безопасности АЭС и готовности персонала действовать в форс-мажорных условиях [Маскалевич, 2011].

Чернобыльская катастрофа как зеркало восприятия “мирного атома”

Эмпирической базой для анализа отношения населения к самой Чернобыльской катастрофе и атомной энергетике в Украине являются прежде всего три социологических мониторинга¹, а также относящиеся к данной тематике отдельные массовые опросы.

Развитие атомной энергетики в Украине до Чернобыльской катастрофы не было объектом серьезного интереса для широких кругов населения, которые, будучи потребителями электроэнергии, выработанной атомными реакторами, тем не менее мало интересовались состоянием дел на отечественных АЭС. Ситуация кардинально изменилась после апреля 1986 года, особенно под влиянием пролонгированных и масштабных последствий Чернобыльской катастрофы. Чернобыль “разбудил” обостренное внимание общественности к проблеме безопасности атомной энергетики. Поэтому вполне логично обращение к Чернобыльской катастрофе как своеобразному зеркалу восприятия общего имиджа украинской атомной энергетики.

¹ Это мониторинги Центра СОЦИС – “СОЦИС-Омнибус” – и Института социологии НАНУ – “Украинское общество” и “Общественное мнение в Украине”. Мониторинг Центра СОЦИС проводился в 1995–2001 годах по репрезентативной выборке для взрослого населения Украины по следующим признакам: пол, возраст, уровень образования, тип поселения и регион проживания. Опрос проводили по месту постоянного проживания респондента методом стандартизированного интервью. В каждом опросе количество респондентов было неизменным и составляло 1200 человек. Мониторинг “Украинское общество” проводится Институтом социологии НАН Украины совместно с Центром “СОЦИС”. В течение 1992–2004 годов мониторинг проводился ежегодно, а начиная с 2006-го – раз в два года. Общее количество респондентов составляет 1800 человек, которые по своим социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, уровень образования), типу поселения и месту жительства репрезентируют взрослое население страны в возрасте от 18 лет. Опрос проводится по месту постоянного проживания респондента методом раздаточного анкетирования. Мониторинг “Общественное мнение в Украине” проводится с 2005 года раз в два года. Выборка и метод сбора первичной социологической информации идентичны используемым в мониторинге “Украинское общество”.

Одним из первых опросов общественного мнения относительно перспектив развития отечественной атомной энергетики после Чернобыльской аварии было проведенное в октябре 1990 года исследовательской группой Центрально-Украинского отделения Всесоюзного центра изучения общественного мнения в двух областях — Хмельницкой и Ривненской, где расположены атомные станции¹. Среди участников опроса преобладало негативное отношение к атомной энергетике, которое определялось доминированием противников строительства и введения в действие новых энергоблоков и относительно большинством противников эксплуатации действующих АЭС. Результаты опроса показали, что в то время негативное отношение к строительству АЭС в тех областях, где жили респонденты, было преимущественно связано с ориентацией на отказ от строительства АЭС в любом районе страны [Головаха, Панина, Чурилов, 1991].

Человеческой памяти свойственно забывать горечь утраты или, по крайней мере, свыкаться с ней. В этом смысле время действительно лечит. Накануне десятой годовщины Чернобыльской трагедии мониторинг “СОЦИС-Омнибус” зафиксировал факт, что даже тогда далеко не все из нас помнили, точнее, держали в оперативной памяти эту катастрофу. Отвечая на вопрос “*Какое важное для Украины событие произошло в апреле 1986 года?*”, о Чернобыле вспомнили всего 59% опрошенных. Этот результат свидетельствует о том, что во второй половине 1990-х годов событие катастрофы начало вытесняться из активной зоны человеческой памяти, не в последнюю очередь проблемами “первого уровня”, под которыми в социологии традиционно понимают связанные с базовыми потребностями человека: финансовое состояние, личная безопасность, состояние здоровья и, соответственно, медицинское обслуживание. Если припомнить, то мы переживали тогда действительно сложные времена в социально-экономической сфере [Стегний, 1996в].

Вместе с тем следует признать, что сама катастрофа чрезвычайно актуализировала возможность соблюдения безопасности в эксплуатации атомных электростанций. Анализ результатов мониторинга “СОЦИС-Омнибус” зафиксировал тот факт, что на десятую годовщину Чернобыльской трагедии в массовом сознании населения Украины атомные электростанции достаточно четко ассоциировались с объектами повышенного техногенного риска. Так, отвечая на открытый вопрос, заданный в ходе опроса 1996 года: “*Какой из промышленных объектов, созданных человеком, Вы считаете наиболее опасным для жизни?*”, респонденты в первую очередь называли АЭС (38%). Для сравнения: химические заводы упоминали 18% опрошенных, а металлургические и нефтеперерабатывающие предприятия — соответственно по 1%.

Среди самых опасных экологических проблем для будущих поколений участники международного опроса “Millennium Survey”² (1999) из числа

¹ Объем выборки составлял 1500 человек (750–770 — по каждой области). В выборке достаточно полно были представлены как отдельные социальные группы, так и население в различных типах населенных пунктов — от областных центров до сел.

² Опрос проводился в более чем 50 странах мира организациями-членами Gallup International Association. В Украине опрос осуществил Центр СОЦИС. Было опрошено 1200 респондентов по выборке и методом сбора социологической информации идентичным тем, что используются в мониторинге “СОЦИС-Омнибус”.

украинцев на первое место поставили аварии на ядерных станциях, то есть ядерную безопасность, которая оказалась гораздо актуальнее, чем такие проблемы, как загрязнение питьевой воды и промышленное загрязнение [Стегний, 1999].

Во второй половине 1990-х годов чернобыльская проблематика получила новую артикуляцию в общенациональном дискурсе и медийном пространстве¹ и продолжает находиться в поле зрения общественного мнения [Стегний, 2001]. Так, более половины опрошенных в рамках мониторинга “СОЦИС-Омнибус” в 1995 и 2000 годах указали на значительный интерес к этой проблеме и только каждый десятый не интересовался последствиями Чернобыльской катастрофы.

Заслуживает внимания тот факт, что высокий уровень заинтересованности Чернобыльской проблематикой обнаруживали не только жители наиболее пострадавших районов, но и население Украины в целом. В то время это давало основания говорить о том, что Чернобыль ассоциировался в массовом сознании не только с непосредственными последствиями катастрофы, но и с проблемой безопасности действующего до декабря 2000 года атомного реактора энергоблока № 3 этой станции. Этот вывод подтверждают данные таблицы 1 (сумма процентов превышает сто, поскольку респонденты могли назвать два варианта ответов). Замечу также, что в последнем опросе слова “действующие реакторы” заменили на “остановленные реакторы”.

Таблица 1

Последствия Чернобыля, которые больше всего беспокоят население Украины (% ко всем опрошенным)

Какие вопросы, связанные с Чернобыльской катастрофой, беспокоят Вас больше всего?	1995	1997	1998	1999	2000	2001
Влияние последствий аварии на окружающую природную среду	44,0	42,8	51,5	32,7	36,6	45,3
Влияние последствий аварии на здоровье человека	69,2	70,7	75,6	58,8	62,8	71,7
Состояние “саркофага” над разрушенным реактором	15,1	24,2	24,4	20,6	22,6	20,5
Безопасность действующих реакторов атомной станции	21,9	24,1	23,6	31,8	34,4	18,3

Динамика полученных результатов свидетельствовала о существовании серьезной озабоченности по поводу безопасности сначала действующих, а сейчас остановленных реакторов ЧАЭС. Если внимательно рассмотреть объекты обеспокоенности населения, связанные с Чернобылем, то

¹ Осуществленный автором контент-анализ украинских печатных изданий обнаружил особенность артикуляции словосочетания “Чернобыльская катастрофа”, а именно: доминантным фактором была не экологическая актуальность (хотя это и имело место), а прежде всего макрополитический контекст проблематики, сведенный к жесткой политической линии ведущих индустриальных стран Запада, направленной на скорейшее закрытие ЧАЭС. Подробнее см.: *Стегний А.* Артикуляция экологической проблематики: опыт контент-анализа // *Личность, культура, общество.* — М., 2000. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 181–194.

большинство из них, за исключением состояния “саркофага”, касались проблем функционирования всей украинской атомной энергетики. Иными словами, рядовых граждан волновала упомянутая выше проблема безопасности АЭС в широком смысле: как сугубо технологическая (собственно процесс производства электроэнергии), так и в контексте угроз для живой природы, включая жизнь человека.

Зафиксированный в таблице 1 высокий уровень обеспокоенности респондентов влиянием катастрофы на природную окружающую среду и состояние здоровья человека вместе с тем сочетался с постепенным снижением оценок степени негативного влияния Чернобыля на здоровье и экологические условия проживания в населенных пунктах, где непосредственно живут опрошенные. Такое, на первый взгляд противоречивое, смещение акцентов в отношении населения к последствиям Чернобыльской катастрофы можно объяснить сменой инструментов измерения: в первом случае выясняли объект наибольшего беспокойства среди четырех альтернативных вариантов, а во втором — речь шла о непосредственном измерении весомости влияния последствий катастрофы по трехбалльной шкале.

Зафиксированная в таблице 2 тенденция получила объяснение в ряде проведенных автором исследований во второй половине 1990-х годов. На ментальное и физическое состояние здоровья населения в период социальной трансформации и перманентного социально-экономического кризиса в значительной мере влияют не только и не столько экологические факторы, сколько физические и психические перегрузки повседневной жизни, плохое питание и некачественное медицинское обслуживание, то есть социально обусловленные факторы [Стегний, 1996в]. Что касается уменьшения негативного влияния на природную окружающую среду в местах проживания респондентов, то здесь на первый план выходит проблема качественного состояния водных ресурсов, особенно питьевой воды, и воздушного бассейна [Stegniy, 2002].

Таблица 2

Изменение представлений населения о влиянии последствий Чернобыльской катастрофы на экологическую ситуацию и состояние здоровья (% ко всем опрошенным)

<i>В какой мере последствия Чернобыльской катастрофы сказались на современной экологической ситуации в Вашем населенном пункте?</i>	1995	1997	1998	1999	2000	2001
В значительной мере	59,1	49,8	55,8	53,1	41,1	39,0
В незначительной мере	27,5	38,7	32,4	36,6	44,0	42,7
Почти не влияют	6,8	6,0	6,2	6,2	9,8	10,2
Трудно сказать	6,6	5,5	5,6	4,2	5,2	8,2
<i>В какой мере последствия Чернобыльской катастрофы сказались на состоянии здоровья жителей Вашего населенного пункта?</i>						
В значительной мере	61,8	50,8	57,2	54,7	42,9	41,4
В незначительной мере	26,3	40,5	30,9	34,8	40,3	40,3
Почти не влияют	5,9	3,8	5,3	6,2	10,6	10,3
Трудно сказать	6,0	5,0	6,6	4,3	6,2	8,1

Логично предположить, что со временем в общественном мнении все меньше будет обнаруживаться весомость влияния последствий Чернобыльской катастрофы как на экологические условия проживания, так и на собственное здоровье респондентов. Для проверки этой гипотезы воспользуемся новейшими данными социологического мониторинга “Украинское общество”, в котором определяется уровень страха перед последствиями Чернобыльской катастрофы, влиянием радиационного загрязнения на природную окружающую среду по месту постоянного проживания участников опроса и влиянием последствий этой катастрофы на состояние здоровья респондентов.

Начиная с 1992 года в мониторинге “Украинское общество” ставили вопрос: “*Как Вы считаете, чего люди боятся сейчас больше всего?*”. Среди 17 вариантов ответа имеется ссылка на страх перед последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС. За весь период социологического наблюдения показатели подобных страхов уменьшились почти втрое: с 46,5% в 1992 году до 16,3% в 2010-м. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что к моменту окончательного закрытия ЧАЭС уровень страха перед последствиями этой катастрофы превышал 40%, а в течение двух последующих лет после вывода станции из эксплуатации сократился до 30%.

Для определения факторов загрязнения окружающей среды по месту проживания, вызывающих существенное беспокойство, респондентам предлагали перечень из восьми вариантов. Замечу, что в этом опроснике непосредственно не фигурировала Чернобыльская катастрофа, а влияние радиационного загрязнения упоминалось среди других семи причин загрязнения. К тому же участники опроса могли отметить все ответы, с которыми они согласны (табл. 3).

Таблица 3

Факторы загрязнения окружающей среды по месту проживания, вызывающие серьезное беспокойство населения (% к тем, кто ответил)

<i>Какие факторы загрязнения окружающей среды в местности Вашего проживания вызывают у Вас серьезное беспокойство?</i>	2002	2004	2005	2006	2008	2010
Загрязнение воздуха химическими веществами и выбросами производства	47,3	34,7	34,3	33,1	32,3	31,4
Загрязнение воздуха транспортом	48,0	41,9	39,9	42,5	42,3	43,7
Загрязнение воды химическими веществами и отходами производства	46,1	32,6	32,0	29,8	29,3	28,1
Загрязнение почвы химическими веществами и отходами производства	32,4	21,6	22,2	17,8	20,2	21,7
Загрязнение территории проживания мусором и прочей грязью	54,8	46,7	49,7	51,1	48,5	48,5
Радиационное загрязнение	35,7	28,5	23,7	26,2	22,0	19,9
Повышенный уровень шума	16,7	13,2	16,2	16,1	17,7	15,8
Повышенное содержание вредных веществ в продуктах питания	40,4	28,6	28,9	29,1	36,1	38,0
Ничто не вызывает существенного беспокойства	9,7	12,4	14,8	13,2	14,2	16,1

Как видно из приведенных данных, в течение последнего десятилетия наибольшее беспокойство жителей Украины чаще всего вызывают два аспекта загрязнения природной окружающей среды по месту проживания: загрязнение бытовым мусором территории непосредственного проживания и загрязнение воздуха транспортом. Если в первом случае можно говорить о неудовлетворительном санитарном состоянии вследствие ненадлежащей работы коммунальных служб (прежде всего в городах) и антиэкологического поведения большинства самих респондентов (известный лозунг “Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят”), то во втором случае имеем классический пример негативного антропогенного влияния на природную окружающую среду. Кроме этого актуальность загрязнения воздуха транспортом вызывается невероятным ростом количества частного автотранспорта, значительная часть которого не отвечает современным экологическим требованиям (не в последнюю очередь в результате распространения автомобильного “секонд-хенда” из западноевропейских стран). Нельзя забывать также о недостаточном качестве низкооктанового бензина, которым заправляют большинство автомобилей на отечественных АЗС.

По поводу влияния радиационного загрязнения респонденты в целом демонстрируют умеренное беспокойство. Такое отношение к этому фактору загрязнения окружающей природной среды характерно также и для участников опроса, проживающих вблизи территорий расположения действующих четырех украинских АЭС (Ривненской, Хмельницкой, Южно-Украинской (г. Южноукраинск Николаевской области), Запорожской и закрытой Чернобыльской).

Для определения уровня влияния последствий Чернобыльской катастрофы на здоровье респондентов использовали трехбалльную вербальную шкалу, в которой каждая из альтернативных позиций соответствовала определенному уровню влияния. По сравнению с формулировкой вопроса в таблице 2 здесь сохранялись три варианта ответов, но вместо лаконичных вербальных оценок предлагали более развернутые, а значит, и более “чувствительные” варианты ответов. При этом имело место смещение акцентов в формулировке вопроса с влияния на здоровье жителей населенного пункта, где проживает респондент, на влияние последствий катастрофы непосредственно на здоровье респондента.

При первом ознакомлении с данными таблицы 4 привлекают внимание несколько тенденций. В течение всего периода мониторинга имеет место сокращение доли тех, кто считает последствия Чернобыльской катастрофы основным экологическим фактором ухудшения своего здоровья. Одновременно возрастает количество тех, кто придерживается противоположного мнения, считая второстепенным влияние данного фактора на собственное здоровье. Вполне возможно, что по мере временной удаленности от самого события катастрофы уменьшается ее аффективное (эмоциональное) восприятие, что сказывается на “миграции” первой группы респондентов во вторую. Однако этот процесс абсолютно не объясняет наличия двух скачкообразных колебаний, когда доля респондентов, указавших на весомость влияния Чернобыля на свое здоровье, ощутимо сокращалась (1999 и 2004 годы). Вместе с тем заслуживает внимания значительное количество респондентов, которые в течение всего периода мониторинга не смогли опреде-

литься с ответом. В последнем случае можно предположить отсутствие знаний о реальном влиянии Чернобыля на здоровье человека.

Таблица 4

Уровень влияния последствий Чернобыля на собственное здоровье респондентов (% к тем, кто ответил)

<i>Как Вы считаете, сказываются ли на состоянии Вашего здоровья последствия Чернобыльской катастрофы?</i>	1994	1998	1999	2002	2004	2010
Это основной экологический фактор ухудшения моего здоровья	40,7	37,0	29,1	29,4	14,8	14,6
Это важный фактор, но он повлиял на мое здоровье не больше, чем другие факторы загрязнения окружающей среды	26,9	33,0	36,0	31,5	39,8	36,3
На состояние моего здоровья в большей мере влияют другие экологические факторы	9,6	10,7	12,3	11,0	16,5	21,9
Трудно сказать	22,2	19,2	22,4	25,5	23,9	27,3

Анализ демографических групп выявил одну важную закономерность: в течение всего периода социологического мониторинга в среднем половина респондентов в возрасте от 30 до 50 лет полагают, что именно последствия Чернобыля являются основным экологическим фактором ухудшения их здоровья. Этот результат подтверждает наличие “подводных камней”, о которых говорят исполнители международного проекта “Чернобыльские поколения после 20 лет”: по сравнению с 1991 годом уменьшение негативного влияния катастрофы на здоровье нынешних подростков сочетается с возрастанием его для взрослого населения (35–37 лет), возрастной группы, уже имеющей собственных детей.

Уровень общественной поддержки развития атомной энергетики

Данные мониторинга “СОЦИС-Омнибус” свидетельствуют о том, что во второй половине 1990-х годов отношение населения Украины к отечественной атомной энергетике было умеренно-позитивным.

Как видно из таблицы 5, количество противников производства электроэнергии на атомных станциях не превышало в то время четверти от общего числа опрошенных. Это больше, чем доля сторонников расширения атомной энергетики, однако определяющим фактором общественного мнения в отношении “мирного атома” была позиция тех, кто ратовал за сохранение тогдашнего статус-кво.

Привлекает внимание тот факт, что около трети людей, которые во второй половине 1990-х годов проживали в областях, где были расположены действующие атомные станции, не могли определиться в отношении будущего производства электроэнергии на украинских АЭС. Кроме того, среди жителей областей, где функционировали АЭС, противников использования ядерной энергии оказалось не больше, чем в других областях. Можно предположить, что в данном случае люди рассматривали объекты атомной энергетики не только в качестве объектов повышенного риска, но и как места трудоустройства и средства энергообеспечения населенных пунктов.

**Отношение населения к будущему атомной энергетики Украины
(% ко всем опрошенным)**

<i>Как Вы считаете, производство электроэнергии на атомных станциях страны следует:</i>	1995	1997	1998	1999	2000
Сократить	23,1	26,8	25,0	21,7	22,2
Оставить на нынешнем уровне	42,3	42,0	39,0	43,1	39,2
Увеличить	16,9	12,5	12,1	11,5	16,1
Трудно ответить	17,8	18,7	23,9	23,8	22,6

Среди противников атомной энергетики оказалось больше женщин, а среди приверженцев и “умеренных” в отношении АЭС преобладали мужчины. Вполне возможно, что высокая техногенная опасность этих объектов, связанная в сознании матерей с переживанием за безопасность собственных детей, как раз и приводит к таким результатам. К этой гипотезе склоняет и то обстоятельство, что среди женщин-противников атомной энергетики больший удельный вес составляли матери несовершеннолетних детей.

Как показал анализ регионов проживания респондентов, противников развития атомной энергетики среди жителей областей “чернобыльского следа” не больше (а даже чуть меньше), чем среди населения других регионов страны. Возможно, здесь сработала осведомленность респондентов о состоянии дел в энергетике Украины, а отсюда — опасение остаться без источников энергоснабжения. Именно по этой причине в течение второй половины 1990-х годов доля сторонников и “умеренных” в отношении атомных электростанций оказалась выше в Киеве, нежели в других населенных пунктах Украины. Наряду с этим среди приверженцев и “умеренных” меньше, чем в других группах респондентов была представлена молодежь в возрасте до 30 лет, люди старшего возраста, а также лица с высшим и неполным высшим образованием.

Проверить приведенные социально-демографические характеристики как противников, так и сторонников развития атомной энергетики и проследить динамику общей поддержки или протеста по поводу перспектив АЭС в нашей стране можно на основе данных мониторинга “Общественное мнение в Украине”, проведенного в 2009 году [Українське суспільство, 2009]. В этом мониторинге выясняли отношение респондентов к ядерной энергетике в Украине путем моделирования влияния двух факторов в различных темпоральных измерениях: Чернобыльской катастрофы (событие прошлого) и нынешнего финансово-экономического кризиса (современное событие).

Спустя четверть века со дня той трагедии наши граждане в целом взвешенно относятся к развитию атомной энергетики в Украине. В частности, почти 41% согласны с тем, что ядерную энергетику в Украине нужно развивать либо ограничить производство электроэнергии действующими блоками имеющихся АЭС. Тогда как за постепенное закрытие выступают 15%, а еще 18% поддерживают остановку и консервацию действующих блоков атомных электростанций. Модификация этого вопроса за счет введения фактора нынешнего финансово-экономического кризиса (вместо влияния Чернобыля) фактически не изменила отношения респондентов к атомной

энергетике — колебания абсолютных процентов остаются статистически незначимыми.

Под влиянием опыта Чернобыльской катастрофы идею постепенного или немедленного закрытия действующих отечественных атомных электростанций, опять-таки, чаще поддерживают женщины, а среди разных возрастных групп люди старше 55 лет чаще, чем молодежь в возрасте до 30 лет, склоняются к постепенному закрытию украинских АЭС. При этом уровень образования, тип поселения и регион проживания на отношение респондентов к ядерной энергетике существенным образом не влияют.

Отдельного внимания заслуживает увеличение доли респондентов, считающих ошибочным закрытие ЧАЭС: с 9,8% в 2001-м (сразу после остановки действующего реактора) до 13% в 2009 году. Логично было бы предположить, что этот результат является производным от невыполнения ведущими индустриальными странами своих обязательств касательно помощи по преодолению последствий катастрофы в обещанном объеме. В пользу данной гипотезы свидетельствует и тот факт, что в 2001 году каждый пятый респондент считал целесообразным повременить с закрытием ЧАЭС до выполнения обещаний Запада, данных тогдашнему украинскому правительству.

Учитывая недостаточную осведомленность населения на фоне настоятельных социально-экономических проблем внимание украинского общества к перспективам отечественной атомной энергетике выглядит откровенно второстепенным.

Дополнительным подтверждением в целом низкого уровня информированности жителей Украины о состоянии отечественной атомной энергетике является оценка опрашиваемыми своей осведомленности об уровне безопасности действующих АЭС для людей и окружающей среды. Как свидетельствуют полученные в 2009 году данные, менее 7% населения признавали свой уровень осведомленности достаточным, более четверти — незначительным, тогда как остальные фактически оказались неосведомленными [Українське суспільство 2009: с. 531]. Особого внимания заслуживает тот факт, что четверть респондентов получали информацию о безопасности АЭС для людей и окружающей среды из слухов и разговоров. Однако в силу влияния такого канала коммуникации, особенно в условиях возникновения нештатных ситуаций на АЭС, существует высокая вероятность формирования ошибочных представлений и отношения к объектам атомной энергетике.

Из каких источников респонденты хотели бы получать как можно более полную информацию о безопасности АЭС и хранилищ радиоактивных отходов? Для выяснения этого в мониторинге “Общественное мнение в Украине” предлагалось шесть источников информирования, из которых участники опроса могли выбрать не более трех. Оказывается, самым большим доверием пользуются специалисты-радиологи, вторую и третью позиции разделяют экологические организации и средства массовой информации, а меньше всего респонденты доверяют государственным контрольным органам и руководству АЭС и хранилищ радиоактивных отходов (табл. 6).

Трагические последствия цунами для японской АЭС “Фукусима-1” вернули внимание мировых масс-медиа к проблеме безопасной эксплуатации ядерных электростанций и, согласно модели А.Даунса, должны были повлиять соответствующим образом на отношение населения к атомной энергетике, в частности повысить уровень опасений в отношении использо-

вания “мирного атома”. Однако международный социологический опрос, проведенный в апреле 2011 года (после аварии на “Фукусима-1”) исследовательскими компаниями мировой сети Тейлор Нельсон Софрез (TNS) в 48 странах, зафиксировал иной результат¹.

Таблица 6

Желательные источники получения наиболее полной информации о безопасности АЭС и хранилищ радиоактивных отходов

Источник информирования	% к ответившим
От специалистов в области радиологии	42,8
От руководства АЭС, хранилищ радиоактивных отходов	13,9
От государственных контролирующих органов	21,3
От экологических организаций	38,8
От международных контролирующих органов	30,6
От средств массовой информации	36,3
Трудно ответить	10,3

За исключением немецких респондентов, участники опроса из других крупных индустриально развитых стран в целом умеренно настроены в плане дальнейшего использования ядерной энергетики. Подавляющее большинство опрошенных жителей Китая, Франции, Чешской Республики и более половины россиян рассматривают ядерную энергию как важный источник энергообеспечения своих стран. На противоположной стороне оказались Германия, Италия и Австрия.

При этом немецкие социологи заметили, что их соотечественники в своем отношении к новейшим технологиям отличаются высоким уровнем чувствительности к риску: 70% из них воспринимают эти технологии как источник риска, которого следует избегать, и только 30% — как возможно полезные для себя. В итоге всего лишь четверть немецких респондентов уверены в безопасности отечественных АЭС, несмотря на чрезвычайно высокий уровень их технологического оснащения и соблюдение технологической дисциплины на подобных объектах. Жители США и азиатских стран, прежде всего Китая, Индии и Вьетнама, напротив, демонстрируют значительно высший уровень лояльности к потенциальным рискам новейших технологий. В таблице 7 приведены результаты для отдельных стран-участниц этого опроса.

Украина не принимала участия в этом социологическом проекте, но для сравнительного анализа тенденций общественного мнения по поводу атомной энергетики после аварии на “Фукусима-1” воспользуемся данными национального опроса компании Research & Branding Group. Отношение к перспективам развития атомной энергетики разделило респондентов на две почти одинаковые группы. Так, 40% согласны с тем, что будущее человечества за атомной энергетикой, а 38% выразили по этому поводу несогласие. Треть украинских граждан считают, что сейчас в нашей стране не следует прекращать развитие действующих атомных программ, тогда как противо-

¹ 97% der Chinesen vertrauen ihren AKW, aber nur 25% der Deutschen. Sind wir ängstlicher oder kritischer? // Bild am SONNTAG. — 2011.— 8 Mai.

положного мнения придерживаются 47%. При этом почти четверть участников опроса считают отечественные АЭС в целом безопасными, тогда как две трети с этим не согласны¹.

Таблица 7

Отношение мирового общественного мнения к атомной энергетике, 2011, %

Страны	Ядерная энергия — важный источник энергоснабжения для моей страны	Отечественные АЭС являются аварийно устойчивыми
Китай	70	97
Франция	68	36
Чешская Республика	61	52
Российская Федерация	52	50
Индия	49	26
США	46	34
Нидерланды	44	49
Канада	43	44
Швейцария	37	39
Бразилия	32	41
Германия	27	25
Италия	23	23

О современном состоянии атомной энергетики Украины позволяет судить специальный доклад общественной экологической организации — Национального экологического центра Украины; в докладе приведен один красноречивый факт: 12 из 15 ядерных блоков (или 80% от общей мощности) в Украине должны быть закрыты до 2020 года, поскольку исчерпали свой ресурс эксплуатации. Для сравнения: Франция оставила всего 2 технологически устаревших ядерных реактора из 13 действующих, ФРГ — 6 из 25, Великобритания — 8 из 32, а Италия закрыла все [Хмара, 2010]. Проектный ресурс двух самых старых энергоблоков Ривненской АЭС (первой атомной электростанции в Украине) будет исчерпан в 2010–2011 годах, поэтому именно эту станцию выбрали в качестве пилотной для реализации мероприятий по подготовке реакторов к работе в сверхпроектный срок.

Основные опасности изношенных ядерных блоков (прослуживших свыше 30 лет) связаны с изношенными трубопроводами и корпусом реактора, а также неналаженной в процессе эксплуатации электроникой. Аналогичные энергоблоки закрывают по всей Европе, хотя вывод их из эксплуатации требует значительных средств — более 1 млрд долл. Для сравнения: в

¹ Опрос проводился с 20 по 31 марта 2011 года методом личного интервью по квотной выборке, репрезентативной для взрослого населения страны в зависимости от области проживания, пола и возраста. Объем выборочной совокупности составляет 2075 человек. Режим доступа: <http://www.rb.com.ua/rus/projects/omnibus/7512/>. Дата доступа: 23 мая 2011 года.

Украине на закрытие одного энергоблока выделяется около 40 млн долл. В последние годы Национальная атомная энергогенерирующая компания “Энергоатом” переводила средства в особый фонд, из которого планировалось в будущем финансировать расходы на закрытие блоков. Однако перечисления делались не ежегодно, и разные правительства забирали средства в бюджет на решение других текущих проблем, обещая вернуть их при первой необходимости.

Действующие тарифы на атомную электроэнергию в Украине не покрывают затрат на решение проблемы радиоактивных отходов АЭС и на закрытие этих объектов, а работа старых энергоблоков не приносит дохода. Разность стоимости электроэнергии компенсируется из государственного бюджета, оставляя без внимания социальные программы для работников этой отрасли энергетики, в том числе по строительству жилья. При этом трудовые конфликты на АЭС имеют особую рискогенность для окружающей среды и безопасности людей¹.

Украинские чиновники усматривают выход в продолжении работы старых энергоблоков, надеясь сэкономить средства, необходимые для вывода их из эксплуатации. Дальнейшая эксплуатация самых старых в Украине двух реакторов Ривненской АЭС в сверхпроектный срок соответствует экономическим расчетам украинских чиновников, однако Ассоциация европейских органов ядерного регулирования признала, что довести до приемлемого уровня безопасность этих реакторов невозможно.

Рассмотрев перспективы поддержки общественным мнением развития атомной энергетики в Украине, невозможно обойти вниманием вопрос об отношении наших граждан к альтернативным “мирному атому” источникам электроэнергии. В 1996 году менее трети украинских граждан (31%) отмечали существование альтернативных атомной энергетике источников электроэнергии. Среди таких источников достаточно эффективными признавались прежде всего гидроэлектростанции, в меньшей степени — ветряные мельницы и теплоэнергетика [Стегний, 1996в]. В 2011 году уже подавляющее большинство наших граждан (61%) считают наиболее перспективными средствами получения электроэнергии для Украины возобновляемые источники (солнце, ветер, вода). При этом 16% по-прежнему считают наиболее перспективным источником энергоснабжения отечественные АЭС, а 14% не смогли ответить на этот вопрос².

Возможный вывод о растущих надеждах населения Украины на замену в ближайшем будущем атомной энергетике новыми источниками энергии требует определенных оговорок. Для более объективного толкования приведенных данных следует учитывать возможное влияние изменения формулировки вопроса на ответ респондентов. Если в первом опросе фигуриро-

¹ Один из примеров социогенных рисков имел место в конце 1990-х годов, когда оперативный персонал украинских АЭС в знак протеста против задержки выплаты заработной платы перешел на жесткий режим пикетирования. Сразу после смены персонал станций направлялся в палаточные городки, не используя полноценно установленное для отдыха время. Не трудно понять, что на подобных особо опасных производствах такая ситуация создает дополнительную угрозу (см.: День. — 1999. — 23 марта).

² Об опросе компании Research & Branding Group см.: ссылка 1 на предыдущей странице.

вал жесткий вариант выбора (существующие *альтернативные* пути атомной энергетике), то во втором — больше мягкий вариант (*наиболее* перспективные источники энергоснабжения).

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что значительный удельный вес ядерной энергетике в общем производстве электроэнергии, зависимость Украины от экспорта энергоносителей, прежде всего для тепловой энергетике, отсутствие реальных альтернативных путей использованию атомной энергии, не в последнюю очередь из-за отсутствия инвестиций в развитие качественно новых видов энергетике, — все это ведет к тому, что общественное мнение вынужденно склоняется к согласию с дальнейшей эксплуатацией ядерных электростанций в Украине, несмотря на осознание значительного уровня риска.

Многолетнее социологическое наблюдение фиксирует перманентно неудовлетворительный уровень осведомленности населения по вопросам безопасности ядерной энергетике, что позволяет как противникам, так и сторонникам использования “мирного атома” манипулировать общественным мнением в свою пользу. В таких условиях критически возрастает необходимость в непредвзятом экспертном знании для принятия взвешенных общественно важных решений в области атомной энергетике. Экспертной среде нужно четко осознать свою ответственность за формирование массового экологического сознания, являющегося одной из базовых предпосылок способности социальной общности выступать в роли не только носителя, но и выразителя собственных экологических интересов. Массовое экологическое сознание играет роль одного из важнейших факторов социального взаимодействия, отражая коллективные оценки, суждения, нормы поведения и представления касательно путей разрешения актуальных социально-экологических проблем, включая перспективы атомной энергетике.

Источники

Бевзенко Л. Феномен черновильських самоселів. Самоорганізаційна інтерпретація / Л. Бевзенко // Чернобыль і соціум. — 2000. — Вип. 6. — С. 173–184.

Головаха Є. Постчерновильська соціальна політика України і міжнародного співтовариства: оцінка ефективності і перспектива розвитку / Є. Головаха // Соціальні наслідки Чернобыльської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр.). — Харків, 1996. — С. 386–398.

Головаха Е.И. Общественное мнение о современном состоянии и перспективе развития атомной энергетике / Е.И. Головаха, Н.В. Панина, Н.Н. Чурилов // Социологические исследования. — 1991. — № 8. — С. 51–55.

Костенко Н. Мас-медіа у формуванні екологічної культури українського суспільства / Н. Костенко // Чернобыль і соціум. — 1997. — Вип. 3. — С. 29–45.

Макеєв С. Особливості праці ліквідаторів та їхні перші реакції на власний статус / Макеєв С. // Соціальні наслідки Чернобыльської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр.). — Харків, 1996. — С. 290–307.

Маскалевич І. Фукусіма: уроки економії (економіки) / І. Маскалевич // Дзеркало тижня. — 2011. — 22 квіт.

Панина Н.В. Легенда о радиофобии / Н.В. Панина // Философская и социологическая мысль. — 1989. — № 1. — С. 51–59.

Паніна Н. Соціально-демографічні та особистісно-мотиваційні чинники психологічного стану ліквідаторів / Н. Паніна // Соціальні наслідки Чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр.). — Харків, 1996. — С. 318–329.

Саєнко Ю. Соціальне усвідомлення Чорнобиля / Ю. Саєнко // Чорнобиль і соціум. — 2006. — Вип. 12. — С. 113–132.

Соболева Н. Динаміка сприйняття наслідків Чорнобильської катастрофи масовою свідомістю / Н. Соболева, В. Тихонович, О. Злобіна, І. Мартинюк // Чорнобиль і соціум. — 1997. — Вип. 3. — С. 16–28.

Стегний О. Інформаційна політика в період техногенної катастрофи / О. Стегний // Ойкумена. — 1993. — № 2. — С. 7–12.

Стегний О. Комунікаційна система за екстремальних умов техногенного походження / О. Стегний // Політологічні читання. — 1995а. — № 3. — С. 22–36.

Стегний О. Чорнобильська катастрофа і становлення нового типу міжнародної гуманітарної допомоги / О. Стегний // Політичний портрет України : Бюлетень дослідно-навчального центру “Демократичні ініціативи”. — 1995б. — № 12. — С. 25–32.

Стегний О. Транснаціональні наслідки Чорнобильської катастрофи / Стегний О. // Соціальні наслідки Чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр.). — Харків, 1996а. — С. 368–378.

Стегний О. Екологічний чинник здоров'я міського населення України: досвід соціологічного дослідження / О. Стегний // Урбанізоване навколишнє середовище: охорона природи та здоров'я людини. — К., 1996б. — С. 240–242.

Стегний О. Ставлення населення України до атомної енергетики (1995–2001) / О. Стегний // Політичний портрет України. Бюлетень фонду “Демократичні ініціативи”. — 2001. — № 23. — С. 90–95.

Стегний А. Противоречивость информации как стрессогенный фактор массового сознания в экстремальных условиях (на примере аварии на Чернобыльской АЭС) / А. Стегний // Актуальные и прогнозируемые нарушения психического здоровья после ядерной катастрофы в Чернобыле : Междунар. конференция, 24–28 мая 1995 г. — К. : Ассоциация “Врачи Чернобыля”, 1995в. — С. 186–187.

Стегний А. Чернобыль и его наследие глазами общественного мнения / А. Стегний // Зеркало недели. — 1996в. — 20 апр.

Стегний А. Экология планеты: что волнует землян? / А. Стегний // Зеркало недели. — 1999. — 11 дек.

Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. — С. 529–531.

Хмара Д. Експлуатація ядерних енергоблоків у понадпроектний термін. Світова практика і особливості України [Електронний ресурс] / Д. Хмара. — 25.02.2011. — Режим доступу : http://atom.org.ua/wp-content/lifetime_extension_ukr.pdf.

Ходорівська Н. Методичне обґрунтування змін соціальної політики щодо потерпілих від Чорнобильської катастрофи / Н. Ходорівська // Чорнобиль і соціум. — 2004. — Вип. 10. — С. 178–194.

Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС) / отв. ред. Е.И. Головаха — К. : Наук. думка, 1990.

Чепурко Г.І. Соціальна “чорнобильська” допомога: стан та зміни / Г.І. Чепурко // Чорнобиль і соціум. — 2007. — Вип. 13. — С. 227–247.

Bromet E.J. Children's well-being 11 years after the Chornobyl catastrophe / [E.J. Bromet, D. Goldgaber, G. Carlson, N. Panina, E. Golovakha, S.F. Gluzman, T. Gilbert, D. Gluzman, S. Lyubsky, J.E. Schwartz] // Archives of General Psychiatry. — 2000. — Vol. 57. — P. 563–571.

The Catastrophe of Chernobyl: World Society and Impacts on the Ukraine. — Zürich : Cultur Prospectiv Institut, 1996.

Churilov N. Evaluation der Schweizer Hilfsaktion des SKN in der Region Polesskoje / Churilov N., Golovacha J., Panina N., Meier-Dallach H.P. — Zürich : Cultur Prospectiv Institut, 1994. — S. 7–15.

Downs A. Up and Down with Ecology — the “issue-attention Cycle” / A. Downs // Public Interest. — 1972. — №8. — P. 38–50.

Golovakha E. The Post-Chernobyl Social Policy of Ukraine and the World Community: Evaluation of Its Effectiveness and Development Perspectives / Golovakha E. // Sociology in Ukraine. Selected Works Published During 90th / E. Golovakha, N. Panina ; V. Vorona (eds.). — Kiev, 2000. — P. 439–458.

Litcher L. School and neuropsychological performance of evacuated children in Kyiv eleven years after the Chornobyl disaster / [L. Litcher, E.J. Bromet, G. Carlson, N. Squires, D. Goldgaber, N. Panina, E. Golovakha, S. Gluzman] // Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 2000. — Vol. 41. — P. 291–299.

Meier-Dallach H.P. Tschernobyl. Einsichten und Erfahrungen einer Schweizer Hilfsaktion / [Meier-Dallach H.P., Golovacha E., Panina N., Churilov N., Stegnij A.] — Zürich : Cultur Prospectiv Institut, 1994.

Stegniy O. Conditions for Environmental Agreements in the Ukraine / O. Stegnyy ; Patrick ten Brink (ed.) // Voluntary Environmental Agreements: Process, Practice and Future Use. — London : Greenleaf Publishing, 2002. — P. 228–239.